

A romantic couple is featured in a cinematic photograph. The woman, in the foreground, has dark hair styled in an updo and is wearing a black spaghetti-strap dress. She is looking off to the side with a soft expression. Behind her, a man with dark hair and a beard, wearing a dark suit jacket over a white shirt, looks towards the camera. They are on a boat, with the sea and a sunset sky in the background.

ПОСЛЕДНЯЯ
ошибка

АННА ЧЕРНОВА

Анна Чернова

Последняя ошибка

<https://litres.ru/74563792>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Выметайся из этой квартиры, тут всё оформлено на мою семью, ты в ней пустое место. Через неделю сюда въедет Эвелина, — муж смакует каждое слово. — Знаешь, в чём ирония, дорогая? Эвелина беременна. Я совершил ошибку, женившись на беспородной бабе, к тому же бракованной!

Нет уж, милый, это я совершила ошибку, выйдя за тебя!

Застукала мужа со студенткой и решила выбить клин клином, уехав на море. Только этот "клин" оказался ужасно обаятельным и чертовски приставучим!

Упс, кажется, я совершила еще одну ошибку)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Чернова

Последняя ошибка

Глава 1

Я везу мужу ужин в контейнерах и бутылку его любимого «Бароло» через полгорода. Хочу устроить сюрприз. О том, что сюрприз приготовил он, я узнаю ровно в ту секунду, когда толкаю плечом дверь его кабинета.

Профессор Воронцевич сидит в кресле, а перед ним на коленях устроилась молодая девица в очень недвусмысленной позе. Я косметолог и даже сейчас, когда в глазах темнеет от шока, профессионально считываю её лицо: рано поставленные нити в скулах и губы, перекачанные филлером.

— Приятного аппетита, — желаю я.

Бутылка вылетает из руки раньше, чем включается голова. «Бароло» разбивается о книжный шкаф, и красная жидкость расплзается по корешкам бесценных монографий, которые он писал ночами. Контейнеры отправляются следом, жаркое живописно растекается по чьей-то многострадальной диссертации.

— Марина! — Аркадий вскакивает, на ходу застёгивая ремень. — Это совсем не то, о чём ты подумала!

— А я ничего такого и не подумала, — отзываюсь я, хва-

тая со стола тяжёлую бронзовую сову. — Решила, что бедная девочка линзу обронила, прямо тебе в штаны! А ты галантно позволяешь искать.

Сова улетает в стеллаж. Студентка с писком забивается в угол и прикрывается дипломом. Я смахиваю с подоконника горшок с геранью, за которой мой муж непонятно почему трясется, и земля рассыпается по паркету.

— Прекрати истерику! — Аркадий перехватывает моё запястье. — Веди себя достойно, а не как торговка на рынке!

Договорить я ему не позволяю. Кулак сам находит его холёную скулу. Хрустит то ли его челюсть, то ли мои костяшки, боль простреливает от пальцев до локтя и приносит странное облегчение.

Муж отшатывается, прижимая ладонь к лицу. Под пальцами уже наливается багровый отек, и я машинально отмечаю: сойдёт дней за десять, не раньше. В его глазах нет ни стыда, ни вины — только удивление. Так смотрят на сломавшийся прибор, который много лет работал безотказно.

— Ты совсем рехнулась, — цедит он сквозь зубы.

— Это я рехнулась? Я приехала тебя ужином кормить, а ты тут экзамен по углублённой программе принимаешь!

— А что мне было делать? — внезапно срывается он, и тон меняется на глазах. Пойманный с поличным муж за секунду переобувается в прокурора. — Сколько можно ждать? Мать каждое воскресенье про наследника спрашивает, отец рукой махнул на продолжение рода. Со мной всё в порядке,

Воронцевичи крепкая порода. Значит, дело в тебе. С брачком мне жена досталась! А Эвелина молодая, здоровая, из уважаемой семьи, не то что ты...

Холод в животе превращается в лёд. Я наизусть знаю эту мелодию, её пять лет напевает все его семейство хором за воскресными обедами под чай из фамильного сервиза.

— Знаешь, Аркаша, за пять лет ты сам ни разу не сдал анализы, — выпрямляюсь я, поправляя на плече сумку. — Тебе и в голову не пришло, что крепкая порода может дать осечку. А я сдаю каждый год, и у меня всё идеально. Так что я бы на твоём месте не торопилась с диагнозом, кто из нас тут бракованный.

Разворачиваюсь и выхожу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На лестнице ноги на секунду сдают, и я опираюсь о холодные перила. Где-то глубоко, под коркой ярости, тихо поскуливает девочка, которой пять лет внушали, что она недоделанная. Я разрешаю ей поскулить ровно один лестничный пролёт. А потом сажусь в машину и завожу мотор.

Когда-то этот человек читал мне Бродского на прокуренной общежитской кухне и смотрел так, будто умнее меня женщины не рождалось. Сейчас от нежности не осталось и следа.

Наша квартира в сталинке на Патриарших — свадебный подарок свёкра, Германа Аркадьевича. Подарок с подтекстом: живите, плодитесь, приумножайте династию. По сте-

нам в массивных рамах развешаны Воронцевичи в три поколения, и все они смотрят на меня сверху вниз, будто на прислугу, которую по недоразумению пустили в парадную.

— Что, не доглядели за внучком? — интересуюсь я у портретов, скидывая туфли.

Портреты молчат выразительно, с фамильным укором.

Я иду в гардеробную и распашиваю его шкаф. Костюмы висят плотно, один к одному, выглаженные до хруста, каждый ценой в мою месячную выручку по клинике. Рубашки разложены по оттенкам, обувь ручной работы стоит на колodках. На отдельной полке его особая гордость — коллекция курительных трубок, которые он набивает на веранде, изображая мыслителя позапрошлого века.

Оглядываю этот идеальный мужской натюрморт глазами косметолога. Аркадий трясётся над собственной упаковкой не меньше, чем над костюмами: крем под глаза дороже моего, регулярные чистки, нить под подбородок, которую он стыдливо называл «массажем». Крепкая порода, которую полжизни бережно реставрируют. И это меня записали в бракованные?!

Достаю с антресоли самые большие чемоданы, с которыми мы летали на конференции, где я мило улыбалась его коллегам и выслушивала, какая у профессора молодая жена и когда же, наконец, пополнение.

Чемоданы набиваю быстро: костюмы летят комом, трубки сыплются сверху, флакон его парфюма с ноткой пафоса и

нафталина кладу отдельно, чтобы доехал до помойки целым.

Тащить тяжело, лифт еле вмещает оба чемодана, но злость — отличное топливо. У мусорных баков курит сосед с пятого, Семён Маркович, бывший дирижёр, который всегда смотрел на Аркадия с лёгкой брезгливостью.

— Марина Андреевна, никак переезд? — приподнимает он кустистую бровь.

— Генеральная уборка, Семён Маркович. Выбрасываю всё, что больше не пахнет порядочностью.

Он окидывает взглядом содержимое чемоданов, узнаёт хозяйские трубки и одобрительно кивает.

— Дело святое. Помочь?

Вдвоём мы водружаем чемоданы на бак, и Семён Маркович лично открывает их нараспашку, чтобы добру было легче найти новых хозяев. К утру половину растащат, и где-то по району будут щеголять в профессорском кашемире работы, которым он точно к лицу больше.

Возвращаюсь наверх почти в хорошем настроении. Но в кабинете меня поджидает главное.

На письменном столе под зелёной лампой лежит рукопись. Главный труд жизни профессора Воронцевича, монография, над которой он трясётся четвёртый год, как Кощей над яйцом со своей смертью. Рядом стопками черновики чужих диссертаций, которые аспиранты годами приносят ему на правку, а он держит при себе и выдаёт чужие мысли за собственные.

Эта книга должна была сделать его академиком.

Первая мысль проста: спички в кухонном ящике, балкон рядом, пара минут — и от династического наследия останется кучка пепла.

Я даже достаю спички и кручу коробок в пальцах. А потом во мне просыпается врач, который никогда не убирает симптом, если можно убрать причину. Сжечь — это слишком быстро и слишком милосердно. Пепел он оплачет, спишет на стихию, восстановит по черновикам и через год снова будет важно цокать языком на учёном совете.

Я убираю спички и беру телефон.

Открываю знакомый пиратский ресурс, куда студенты со всего мира бесплатно сливают научные статьи, за которые издательства дерут безбожные деньги. Прекрасное, демократичное место, откуда уже ничего не вытравить никаким адвокатом.

Сканер на профессорском принтере быстрый, Аркадий не сэкономил на технике для своего гения. Лист за листом монография ложится в память аппарата. Следом отправляются чужие диссертации, его тайная коллекция украденных идей. Я собираю аккуратный архив и щедро публикую в открытый доступ. Пусть молодые исследователи, у которых нет богатого папы и фамильной квартиры, разберут наработки великого Воронцевича на цитаты. А их научные руководители заодно узнают, чьи мысли годами выходили под его именем.

К тому моменту, как загрузка завершается, чувствую себя,

как после трехчасового сеанса расслабляющего массажа.

Телефон звонит, когда я люблюсь делом своих рук. На экране «Эльвира Викентьевна» — свекровь собственной персоной. Сынок уже поплакался мамочке?

— Марина, — голос у неё выдержанный и холодный, как её любимый херес. — Что происходит? У Аркаши синяк во всё лицо. Ты подняла руку на моего сына?

— Здравствуйте, Эльвира Викентьевна. С почином вас, узнаёте новости прямо с кафедры.

— Не дерзи. Семья — это терпение и жертва. Я тридцать лет терпела характер Германа и держала дом. А ты при первой трудности устраиваешь балаган.

— Это вы про трудность по имени Эвелина?

На том конце повисает пауза, в которой слышно, как трещит её хвалёная выдержка.

— Что ты несёшь?

— А вы у сыночка уточните. И заодно спросите, почему за пять лет ваш породистый мальчик не удосужился сдать ни одного анализа. Прежде чем называть меня бракованной, проверьте, не в вашем ли благородном фарфоре треснула фамильная чашка.

— Да как ты сме...

Я нажимаю отбой и кладу телефон экраном вниз. Сердце колотится, руки чуть дрожат — не от страха, а от нахлынувшего адреналина. Эти люди не привыкли, чтобы прислуга огрызалась.

В тишине квартиры портреты Воронцевичей смотрят на меня всё так же надменно. Только теперь мне на их укор глазо плевать.

Опускаюсь на пол в прихожей, спиной к стене, под рамой с прадедом-нэпманом, и к горлу подступает спазм. Пять лет я грела этот мраморный мавзолей, считала циклы, плакала над тестами с одной полоской и винила во всём себя.

Слёзы подступают, но я их сглатываю. Реветь в одиночку в чужой квартире слишком жалко. Мне нужен живой человек и желательно с дипломом психолога.

Достаю телефон и набираю Алису.

— Тихонова, ты дома? — выдыхаю в трубку, вытирая щеку тыльной стороной ладони. — У меня для тебя клинический случай. С разгромом кабинета, мордобоем и публикацией научных трудов в особо извращённой форме.

Глава 2

— Застала? — со знанием дела спрашивает подруга, едва я переступаю порог ее квартиры.

— Застала, – подтверждаю я.

— Врезала?

— Еще как! Фингал расцвёл такой, что я как косметолог им почти залюбовалась.

— Горжусь! Проходи, чайник уже закипел.

— Может, что покрепче нальешь? – хнычу я.

— И не мечтай! Резать будем наживую, – хмыкает Алиса и скрывается в кухне. А я опускаюсь в её глубокое кресло и поджимаю ноги.

— А он еще жаловался, что с брачком жена досталась, – добавляю я с нервным смешком.

— И ты ему поверила, — тихо констатирует она, садясь напротив. — Сидишь сейчас и прокручиваешь внутри, что недоглядела, что не удержала.

В груди сжимается, потому что подруга права. Пять лет я честно носила на себе этот чужой диагноз.

— Алиса, ты можешь со мной как психолог поработать? Мне правда плохо.

Она качает головой.

— Не могу. Этика.

— То есть бросаешь подругу в беде, — поддеваю я.

— Передаю хорошему коллеге, — парирует она и хитро щурится. — А вот совет, не как психолог, а как баба, которая прошла два развода, дам бесплатно.

Алиса подбирает под себя ноги и наклоняется ближе.

— Тебе нужно сделать что-то абсолютно безумное. Такое, от чего твоя свекровь упала бы в обморок прямо на свой фамильный херес.

— Например?

— Например, переспать с первым встречным красавчиком. Знакомиться и обмениваться телефонами при этом необязательно.

— Ты психолог или сатана? — не могу сдержать смеха.

— Сегодня я подруга, — невозмутимо отзывается Алиса.

— Поверь специалисту с двумя дипломами: отпустит мгновенно.

Я хохочу впервые за этот бесконечный день. К тому моменту, когда я уйду от нее, мне кажется, что я снова почти живая. Зря.

Дома горит свет. Пакет с запонками, который я выставила за дверь, валяется на полу, а посреди гостиной, под надменными портретами предков, стоит Аркадий. Фингал расцвёл знатно — баклажан с переходом в болотную зелень.

— Где мои вещи? — цедит он, и от прежнего бархата в голосе не осталось и следа.

— На помойке. Где им самое место, — отзываюсь я, скидывая туфли. — Семён Маркович с пятого уже передавал

благодарность за кашемир.

Лицо мужа идёт пятнами.

— Ты понимаешь, что натворила? Моя монография в свободном доступе! Меня завтра комиссия на ковёр вызывает!

— Какая досада, — мурлычу я, наливая себе воды. — Но знаешь, Аркаш, у нас ведь демократия, а знания должны быть свободными.

Он делает шаг ко мне, и в его глазах мелькает то самое, новое, чего я раньше за ним не замечала. Желание сделать больно.

— Ты пожалеешь. По миру пушу. Из этой квартиры вылетишь на улицу, тут всё оформлено на мою семью, ты в ней пустое место. Кстати, можешь начинать собирать чемоданы. Через неделю сюда въедет Эвелина.

— Какая трогательная преемственность, — холод заползает под кожу, но взгляд я не отвожу. Эти люди чуют слабость, как акулы кровь.

— Мама уже выбирает обои в детскую, — он смакует каждое слово. — Знаешь, в чём ирония, дорогая? Эвелина беременна. Так что вопрос, кто из нас тут бракованный, можешь считать закрытым.

Пол уходит из-под ног. В этот раз не фигурально, а по-настоящему. Я хватаюсь за край столешницы, потому что комната качается, к горлу подкатывает тошнота, а в ушах нарастает звон. Несколько секунд я просто дышу, вцепившись в холодный мрамор. Аркадий наблюдает за мной с удовле-

творением палача, которому наконец дали добротный топор. И именно это его довольное лицо приводит меня в чувство быстрее нашатыря.

— Что ж, — выпрямляюсь я, отпуская столешницу. — Тогда тем более ничего не держит. Поздравляю с пополнением. Воспитывайте его всей вашей крепкой породой, глядишь, вырастет таким же честным, как папаша.

— Марина...

— Вон. — Я указываю ему на дверь. — Бери свой пакет с запонками и проваливай к будущей матери своего наследника. А с квартирой и адвокатами разберёмся в суде. У меня, представь, тоже найдётся пара козырей.

Он что-то цедит про мою неблагодарность, но я уже не слушаю. Молча открываю дверь и стою рядом, пока он, похвалив пакет, не вылетает на лестницу с лицом оскорблённого аристократа.

Замок щёлкает. Я остаюсь одна в чужой роскошной квартире, под взглядами трёх поколений Воронцевичей, и впервые за вечер позволяю рукам как следует задрожать.

Так, реветь нельзя. Если я сейчас сяду на этот пол и залюсь, то останусь на нём до утра. Поэтому делаю единственное разумное, что приходит в голову женщине в моём состоянии. Иду в спальню, достаю из шкафа платье, в котором ноги выглядят неприлично хорошо, и крашу губы боевым красным.

Совет Алисы стучится в висок всё настойчивее...

Бар «Стелла» встречает меня полумраком и приятной музыкой. Свободных столиков нет, и хостес подсаживает меня к симпатичной грустной женщине у окна.

Рядом тут же материализуется официант с бейджем «Анастас». Высокий, смуглый, с греческим профилем и наглыми тёмными глазами, в которых читается богатый внеурочный опыт.

— Дамы, что будете пить?

— Бутылку шардоне «Акация» две тысячи двадцать первого, — заказываю я с видом знатока.

— Прекрасный выбор, — хвалит Анастас и удаляется, сверкнув глазами.

— Вылитый Дионис, — говорю, провожая взглядом его крепкую задницу.

— Ого, ты ещё и в вине разбираешься, — уважительно тянет внезапная компаньонка.

— Не-а. Просто запомнила, что заказывал муж, и повторила с умным видом, — признаюсь я и сама мрачнею. — Будущий бывший муж.

— О, так мы товарищи по несчастью, — Света салютует пустым бокалом. — Я тоже сегодня узнала про своего много нового. Я - Света.

— Марина, — мы жмем другу другу руки.

Анастас приносит вино, разливает по бокалам и расстилает белоснежную салфетку мне на колени, наклонившись чуть ближе, чем велит протокол.

— Я всегда к вашим услугам, — хрипит он почти в ухо.

Света за столом тихо давится смешком, а я ловлю себя на том, что разглядываю уходящего официанта с чисто исследовательским интересом. В висках услужливо стучит вредный совет Алисы. Первый встречный красавчик. Назло Воронцевичу.

— Выпьем за новую свободную жизнь без лжецов, — поднимаю я бокал.

— Аминь, — чокается Света.

Я киваю и поднимаю руку, подзывая Анастаса. Он подлетает мгновенно, забирает пустую бутылку, и его плечо как бы случайно задевает моё.

— Я освобождаюсь через час, — выдыхает он мне на ухо. — Могу показать ночной город. И не только город.

И вот тут, под этими бесстыжими греческими глазами, во мне что-то осекается. Я представляю всё в красках. Как я, тридцатишестилетняя женщина, тащу к себе молодого парня, который годится мне в младшие братья. Как утром он хвастается смене, что снял зрелую тётку в красном платье. Как становлюсь строчкой в его внеурочном опыте.

Совет Алисы хорош в теории. Но на практике у меня осталась гордость.

— Анастас, ты прелесть, — я мягко отвожу его руку. — Но до такого отчаяния я ещё не допилась. Неси лучше вторую бутылку, золотко.

Мы просиживаем в «Стелле» до закрытия, а потом в так-

си ко мне приходит решимость как можно скорее оформить развод и улететь к морю на полную перезагрузку.

Утром я уже в конторе на Чистых прудах у лучшего бракоразводного адвоката Москвы, от которого не спрятать ни одного оффшорного счёта.

— Вы точно хотите всё оформить без личного присутствия? — уточняет он.

— Точнее не бывает.

— Тогда поздравляю. Через три дня вы будете свободной и обеспеченной женщиной, — обещает адвокат.

Я ему настолько верю, что покупаю билет в Симферополь на следующую пятницу, совершенно не подозревая, как сильно изменится моя жизнь от этого решения...

Глава 3

Крым лечит лучше любого психолога. Я просыпаюсь под шум прибоя, ем свежую рыбу прямо на террасе и не отвечаю ни на один звонок с московским кодом. Аркадий, свекровь, адвокаты остались где-то за горами, в другой жизни, к которой я возвращаться не намерена.

Главное решение я принимаю на второй день, нежась в тепле нежного июньского солнца. С мужчинами завязано. Все они одинаковые, и даже самый идеальный рано или поздно заводит себе аспирантку с накачанными губами. Так что отныне у меня роман с морем: оно не врёт и не требует продолжения династии. Как минимум плюс два очка в его пользу.

Вечер пятницы провожу на террасе ресторана над самой водой, потягиваю местное белое и смотрю, как солнце неторопливо тонет в воде. Впервые за месяц мне почти хорошо.

— У вас занято? — раздаётся низкий голос, и, не дожидаясь ответа, мужчина опускается на стул напротив.

Я поднимаю глаза, чтобы отшить наглеца, и на секунду теряю заготовленную колкость. Он до неприличия хорош. Лет сорока с небольшим, с проседью на висках и лицом, к которому совершенно точно не прикасался ни один мой коллега по цеху, — суровая мужественность, обветренная солью и солнцем. Под тёмным взглядом читается уверенность чело-

века, которому давно никто не говорил «нет».

— Вообще-то занято, — наконец отзываюсь я. — Этим стулом я отгораживаюсь от таких, как вы.

— От загорелых и остроумных? — он и не думает вставать.

— От самоуверенных. Загар сойдёт, а второе, боюсь, диагноз пожизненный.

— Марк, — представляется он, будто я спрашивала. — И я не самоуверенный, а статистически обоснованный.

— Это что ещё за зверь?

— Редко ошибаюсь в людях, а в женщинах вообще никогда. Вы весь вечер смотрите на закат с таким лицом, будто только что кого-то закопали. Мужа?

— Какая прозорливость. По мне что, заметно?

— Только по тому, как вы держите бокал. Так сжимают горло, а не посуду.

Я невольно ослабляю пальцы, он это замечает, и в уголках его глаз собираются морщинки от скрытой улыбки.

— Развелась, — зачем-то признаюсь я.

— Надеюсь, он мучился.

— Мучился ровно столько, сколько я выносила его костюмы на помойку. А заодно публиковала его научные труды в открытый доступ.

Марк откидывается на спинку стула и хохочет в голос, так, что на нас оборачиваются с соседних столиков. И вот тут я понимаю, в чём подвох. За пять лет брака мой профессор ни

разу не смеялся над моими шутками. Он их снисходительно пояснял.

— За научные труды отдельный тост, — он подзывает официанта и заказывает что-то местное, безошибочно ткнув в самую дальнюю строчку винной карты. — Женщина, которая мстит через открытый доступ, не может быть скучной.

— А я и не нанималась вас развлекать. Вообще-то у меня сегодня романтический ужин, — я делаю жест в сторону темнеющей воды и делаю большой глоток из бокала. — С морем.

— Море не обидится, если я ненадолго вклинюсь. Мы с ним на короткой ноге.

— Друзья детства?

— Скорее, деловые партнёры, — усмехается он, и в этой усмешке мелькает что-то, чего я пока не считываю.

Мы переругиваемся ещё час, и это похоже на фехтование, где каждый мой выпад он отбивает и тут же возвращает с процентами. Аркадий в таких поединках побеждал за счёт веса регалий. Марк побеждает потому, что ему правда смешно и интересно. И от этого внутри что-то опасно подтаивает.

В какой-то момент в затуманенном местными напитками мозге услужливо всплывает голос Алисы. Первый встречный красавчик. Назло Воронцевичу и его крепкой породе. И вот он, этот красавчик, сидит напротив и смотрит на меня так, будто я единственная интересная женщина на всём побережье.

— Хочу честно предупредить, — я отставляю бокал. — Я

только что поклялась, что больше ни один мужчина ко мне не приблизится. У меня теперь принцип.

— Прекрасный принцип, — Марк и не думает спорить. — Уважаю женщин с принципами. Поэтому не двинусь с места и пальцем не пошевелю. Если вашему принципу и суждено пасть сегодня, то исключительно вашими стараниями.

Сказано это так, что в груди дребезжит та самая струна, что порвалась на кафедре неделю назад. Только звук теперь совсем другой.

— А вы наглый.

— Терпеливый, — поправляет он с таким взглядом, от которого мгновенно по коже скачут мурашки.

Маскирую смущение бокалом, но он придвигается ближе, и вино уже не спасает.

От него пахнет морем и нагретым деревом. Запах оседает под кожей. Скользит ниже, вдоль позвоночника, и где-то внизу живота закручивается горячая спираль.

Делаю вдох и не узнаю собственного дыхания — рваное, чужое.

Его лицо совсем близко. Между нами остаётся всего несколько сантиметров воздуха, и этот воздух дрожит. Я вижу линию его губ, тёмные крапинки в радужке.

Желание прошивает меня насквозь — резко, до кончиков пальцев. Тихо ойкаю и сама пугаюсь этого звука.

Он опасно красив. Именно от таких я и зареклась держаться подальше. А тело уже всё решило за меня.

Что со мной? Перепила? Или это просто дурацкая романтика морского курорта действует?

А в общем-то какая разница?! Я всю жизнь была хорошей, и чем это кончилось? Так что к черту все! Алиса права! Имею полное право на одну безумную курортную ночь без последствий.

— И где же вы планируете эту вашу хорошую ночь? — мой голос немного хрипит на вопросе.

Вместо ответа Марк поднимается, бросает на стол несколько купюр и протягивает мне руку.

— Идёмте.

Послушно следуя за ним вдоль причала, мимо рыбацких лодок и катеров, пока мы не останавливаемся у белоснежной яхты, что покачивается на тёмной воде. На борту золотом выведено короткое имя, которое я в темноте не успеваю прочесть.

Палуба тёплая под босыми ступнями, над головой высыпают крупные южные звёзды, а море лениво лижет борт.

Марк достаёт из холодильника бутылку, разливает вино и встаёт у меня за спиной, не касаясь, но так близко, что я кожей чувствую его тепло. Судя по тому, как уверенно он поднялся на борт и как поздоровался с охранником у причала, яхта ему не чужая.

Владелец? Вряд ли.

Скорее капитан. Или управляющий.

Да и какая мне разница?

— Последний шанс передумать, — выдыхает он мне в висок. — Потом я уже не отвечаю за ваш драгоценный принцип.

Я разворачиваюсь к нему лицом, поднимаюсь на цыпочки и сама накрываю его губы своими, потому что женщина, которая неделю назад вынесла свой брак на помойку, дважды просить точно не станет.

Утром я сбегу с этой яхты, не оставив ни имени, ни телефона. И буду наивно думать, что на этом всё закончится.

Ведь закончится?...

Глава 4

Просыпаюсь от того, что солнце нагло лупит в иллюминатор. Несколько секунд не понимаю, где нахожусь, а потом память услужливо подсовывает кадры прошедшей ночи, и я заливаюсь краской до самых корней волос.

Рядом, закинув руку за голову, спит Марк. Простыня сползла до пояса, и в утреннем свете он ещё опаснее, чем был вчера, — расслабленный и до неприличия реальный. На загорелом плече белеет старый шрам, которого я в темноте не разглядела, и мне почему-то до зуда хочется провести по нему пальцем.

Тело предательски ноет в самых неожиданных местах и нашёптывает, что неплохо бы остаться хотя бы до обеда. А там, глядишь, и до ужина. И вот тут включается единственная трезвая клетка в моём организме: стоп, именно так оно и начинается. Сначала «останусь до обеда», потом «он не такой, как все», а через пять лет ты выносишь его костюмы на помойку. Знаем, проходили.

Именно поэтому надо немедленно валить.

Я выбираюсь из-под лёгкого пледа миллиметр за миллиметром, стараясь не скрипнуть ни одной пружиной. Платье обнаруживается на спинке стула, одна туфля у трапа, вторая — почему-то в раковине крошечного камбуза. Да уж, ночь была насыщенной.

Натягиваю платье, и в этот момент Марк во сне переворачивается и шарит рукой по простыне рядом с собой по тому месту, где ещё недавно лежала я. Застываю соляным столбом, сердце колотится где-то в горле. Но он лишь недовольно хмурится, утыкается лицом в подушку и затихает.

Можно выдохнуть — Алиса ведь велела: без телефонов и завтраков. Хватаю сумочку и сматываюсь.

Уже на трапе, в утреннем свете, я наконец успеваю прочесть имя на борту — «Соня», выведенное золотом по белому. Спрыгиваю на причал и быстрым шагом, не оглядываясь, иду прочь по просыпающейся набережной. Кричат чайки, рыбаки разбирают сети, из ларька на углу тянет свежими бубликами. Я иду и ловлю себя на том, что улыбаюсь, как идиотка. Внутренний детектив во мне довольно потирает руки: идеальное преступление. Ни следов, ни единого шанса меня найти.

В отель возвращаюсь в коктейльном платье в семь утра, под понимающим взглядом портье, который явно повидал немало подобных возвращений. Падаю на кровать, не раздеваясь, и губы сами расползаются в глупой улыбке. Тело гудит, но это приятный, незнакомый гул, от которого хочется потягиваться, как разомлевшая кошка.

Звоню Алисе. Она отвечает после первого гудка, потому что у психологов не бывает личной жизни, только чужие невроты.

— Тихонова, твой вредный совет сработал, — мурлычу я

в трубку.

— Не может быть! — В её голосе просыпается профессиональный азарт. — Требую подробностей немедленно!

— Первый встречный красавчик. Лет сорок, обаятельный, остроумный, целуется так, что я забыла, как меня зовут. Яхта, звёзды, вино. И главное — сбежала на рассвете.

— Обожаю тебя, — выдыхает подруга. — Я же говорила, что гениальна. Ну что, отпустило?

Я задумываюсь на секунду дольше, чем следовало бы.

— Отпустило, — вру не моргнув глазом. — Как будто и не было.

— Что-то ты подозрительно долго думала над этим «отпустило», — тут же цепляется Алиса. Чёртов профессионализм.

— Тихонова, не лезь в мою голову без ордера. Сказала отпустило — значит отпустило.

Вот только «как будто и не было» — это последнее, что я сейчас чувствую. Наглый капитан со своими морщинками от смеха прочно засел где-то в области солнечного сплетения, и я твёрдо намерена выковырять его оттуда ближайшим рейсом до Москвы.

Билет беру на тот же вечер. Москва, работа, привычная рутина — вот что мне сейчас нужно. Подальше от моря, звёзд и мужчин, которые слишком хорошо целуются.

Я успеваю собрать чемодан и принять душ, когда в дверь номера стучат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.